

— Как ты можешь быть таким бесчувственным? Не говоря уже обо мне. Сегодня, услышав новости о том, что бывших членов Зала стражи Цинь разогнали и арестовали, ты даже не моргнул. Ведь ты и Зал стражи Цинь прошли через столько испытаний вместе.

Цинь Шань вдруг холодно посмотрел на него, взгляд как лезвие ножа. Пу Цуньси сразу замолчал, испугавшись. Только когда Цинь Шань вошел в дом, он осмелился пробормотать несколько ругательств.

— Негодяй, использовал людей, чтобы сделать лекарство, а теперь так с ними обращается, негодяй.

Рядом Миньюэ, услышав это, с горькой улыбкой хотела поговорить с ним, чтобы не разозлить Цинь Шаня снова, но Цинтянь остановил ее.

— Зачем ты вмешиваешься? — недовольно сказал Цинтянь. — Он разозлил хозяина, а хозяин его даже не наказал, так что пусть болтает что хочет.

Миньюэ попыталась успокоить:

— Господин Пу не знает всех обстоятельств, не нужно на него злиться.

Цинтянь сердито ответил:

— Я не на него злюсь, я злюсь на мир. Они не знают, через что проходит хозяин, и распускают сплетни. Когда-нибудь, если я научусь боевым искусствам, я убью всех, кто говорит плохо о хозяине.

Миньюэ поспешно закрыла ему рот.

— Что за глупости! Как можно так легко говорить об убийстве?

— Хм, трусиха.

Тётушка Чунь, наблюдая за ними, с улыбкой покачала головой. Она была простой деревенской женщиной, поварихой, ничего не понимающей в делах мира рек и озер. Она знала только, что Цинь Шань спас ее, дал ей новую жизнь, и она будет благодарна ему всю свою жизнь.

Тётушка Чунь вошла в дом.

— Господин, на ужин хотите лапшу? Я только что купила муку.

Цинь Шань поднял взгляд и увидел улыбку тётушки Чунь, а за окном двух слуг, которые возились друг с другом. Холод в его глазах постепенно смягчился.

— Хорошо.

На следующий день, когда все еще спали, Цинь Шань уже покинул жилище и, пользуясь утренними сумерками, поднялся в горы.

Гора Яньдан была территорией Демонического культа. Хотя в последние годы культ стал более сдержанным и редко показывался, обычные люди все равно боялись сюда заходить. Но Цинь Шань был далеко не обычным человеком. Он не только вошел в горы, но и углубился в них, пока не достиг плоской долины, где остановился.

Стоя у подножия утеса, Цинь Шань поднял взгляд на вершину, уходящую в облака, с мрачным выражением.

Он помнил, как именно здесь он и Янь Мобэй упали с утеса, и Янь Мобэй, защищая его, получил тяжелые ранения. Именно тогда Цинь Шань немного отпустил свою защиту и начал доверять Янь Мобэю.

Они заключили три соглашения: если Янь Мобэй хочет остаться с Цинь Шанем, он должен выполнить три условия.

Первое: Янь Мобэй добровольно принимает яд, чтобы быть под контролем Цинь Шаня.

Второе: Цинь Шань заставил Янь Мобэя ночью пробраться в Поместье Десяти Тысяч Клинков и порвать с Вань Чэнсюанем.

Третье соглашение так и не было выполнено, потому что Цинь Шань был отправлен Янь Мобэем на гору Шаоши.

И только тогда Цинь Шань понял, что он думал, будто заставил Янь Мобэя порвать с прошлым и лишил его возможности вернуться, но на самом деле это был хорошо сыгранный спектакль. И результатом этого спектакля стало то, что Цинь Шань потерял все свои силы и чуть не погиб.

— А Шань, не вини меня.

Вспоминая дни и ночи, проведенные в пещере Безымянной долины, и те тысячи дней, проведенных вместе, Цинь Шань вдруг понял, что он никогда по-настоящему не понимал этого человека.

Если он любил его, то как мог так жестоко отправить его на гибель?

Если он был эгоистичным и бессердечным, то почему в Безымянной долине он вел себя так, как будто это не было притворством?

Цинь Шань с холодным лицом разрубил мечом заросли в горах, думая.

Как бы то ни было, за то, что Янь Мобэй отпустил его из Безымянной долины и спас ему жизнь, в следующий раз, если он встретит этого человека, он позволит ему пронзить его мечом в грудь, и на этом они расстанутся.

Цинь Шань дошел до своей цели.

Это была поляна, внезапно появившаяся среди леса. Утро только начиналось, и первые лучи солнца пробивались сквозь густой туман, оседая на рукавах Цинь Шаня, покрытых росой.

Он подошел к поляне и увидел две вещи.

Косой надгробный камень и человека в красных одеждах, стоящего перед ним.

Человек услышал шаги и обернулся.

— Старший брат.

Человек в красном позвал.

Его красные одежды развевались на ветру, длинные волосы развивались. У него были высокие скулы, глубокие черты лица, и он смотрел на Цинь Шаня с ясным взглядом, с мягким и безобидным выражением. Но Цинь Шань знал, что это был меч в ножнах, который в следующую секунду мог выпустить ледяной свет, разрезающий плоть.

Это был Лю Хань, глава Демонического культа, младший ученик Сяо Ижана и единственный младший брат Цинь Шаня.

Цинь Шань смотрел на него.

— Глава Лю, — произнес он, и его голос был холоден как лед.

Лю Хань не обратил внимания на холодность и сопротивление Цинь Шаня, а просто улыбнулся:

— Я знал, что старший брат, покинув нас, первым делом придет сюда. Я каждый день приходил сюда, чтобы ждать тебя. В прошлом месяце, в день смерти учителя, я поднес вино к его могиле за тебя.

Цинь Шань ничего не сказал.

Лю Хань предал его, но не предал Сяо Ижана. Он поднес вино к могиле учителя, и Цинь Шань не мог ничего возразить.

Он сделал шаг вперед, глядя на косой надгробный камень, как будто снова видел себя и Янь Мобэя, стоящих перед ним.

Образы прошлого смешались с настоящим, и Цинь Шань не хотел больше об этом думать. Он трижды поклонился могиле, а затем прямо сказал Лю Ханю:

— Я пришел забрать одну вещь.

Лю Хань горько усмехнулся.

— Старший брат, ты даже не хочешь поговорить со мной?

Цинь Шань не желал тратить время на разговоры и просто стоял, сложив руки за спиной. Лю Хань знал, что если он скажет еще пару слов, Цинь Шань может подумать, что он не хочет отдавать старую вещь, и тогда они точно подерутся.

Он мог только вздохнуть и бросить меч через воздух.

Цинь Шань поймал меч и внимательно рассмотрел узоры на ножнах.

Это был его меч, который Сяо Ижань собственноручно выковал для него, когда был жив.

Помнится, Безумный мечник сказал: «Шань, ты умный и упрямый, склонный к крайностям. Учитель выковал тебе меч, который не показывает своей остроты, не демонстрирует хитрости, простой и почти неуклюжий. Но великая добродетель подобна простоте, великая мудрость подобна глупости. Пусть этот меч сопровождает моего ученика, принося ему мир и благополучие».

Но в конце концов Цинь Шань все же пошел по кривой дорожке, предав надежды учителя.

В тот день, когда он оказался в плену у Шаолиня, меч был потерян. Цинь Шань знал, что, даже

если у Лю Ханя были свои планы, он не позволил бы мечу, выкованному учителем, попасть в чужие руки. Поэтому он специально пришел на гору Яньдан, чтобы забрать меч.

Цель была достигнута, и Цинь Шань повернулся, чтобы уйти.

Лю Хань, увидев это, поспешно крикнул ему.

— Старший брат! Ты все еще злишься на меня?

Злиться? Цинь Шань подумал, что после предательства последнего близкого человека он чувствовал не только злость. На Янь Мобэя он мог злиться, потому что это был чужой, посторонний человек. Но на Лю Ханя он даже не мог злиться. В тот день на горе он сказал Ци Жовану, что в этом мире у него было три самых близких человека: учитель, учительница и младший брат, но все они уже умерли.

Да, с того дня, как Лю Хань предал его, Цинь Шань считал его мертвым.

Лю Хань, увидев, что Цинь Шань продолжает уходить, действительно забеспокоился.

— Старший брат! — Он легким движением оказался перед Цинь Шанем.

Цинь Шань, три года проведенный в плену, с ослабленной внутренней силой и боевыми навыками, конечно, не мог сравниться с Лю Ханем.

— Глава Лю, ты собираешься напасть на меня? — холодно спросил Цинь Шань. — С моими нынешними слабыми навыками, глава, ты, пожалуй, слишком силен для меня.

Лю Хань разозлился, ведь слова Цинь Шаня ранили без видимого оружия.

— Старший брат, выслушай меня, — сказал Лю Хань. — В тот день мы с Вань Чэнсюанем разработали план, чтобы ты немного отступил, а не чтобы причинить тебе вред!

Цинь Шань холодно взглянул на него.

— Притвориться пленником Вань Чэнсюаня, чтобы я волновался и попал в ловушку, это было ради меня?

— Когда я оказался в руках Янь Мобэя и подвергался унижениям в Шаолине, ты стоял в стороне, это было ради меня?

— Глава Лю, если это твоя забота, то Цинь Шань не достоин ее.

Сказав это, Цинь Шань прошел мимо него и пошел дальше.

Лю Хань действительно запаниковал и, не думая, выкрикнул:

— Если бы мы не поступили так в тот день, то сегодня по приказу вдовствующей императрицы казнили бы не Моу Синчжи, а тебя! Зал стражи Цинь не просто бы распустили и тайно уничтожили, а всех бы объявили предателями, а их тела разбросали бы по разным местам! Старший брат, в тот день ты был полон ненависти и не хотел оглянуться. Разве ты до сих пор не понимаешь?

— В этом мире больше нет места для вашего Зала стражи Цинь!

Цинь Шань остановился и, обернувшись, посмотрел на Лю Ханя с глазами, полными ярости.

— Что ты сказал?

Цзяннань, маленький дом.

<http://bllate.org/book/16875/1555516>